

УДК 316.74
ББК 60.55
Б – 15

*Бадмаев Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор
Регионального института инновационных исследований;*

*Хутыз Заурбеч Асланбиевич, доктор экономических наук, профессор Майкопского
государственного технологического университета, тел.:(8772)523317.*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ* (рецензирована)

*Статья подготовлена по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МД - 4098.2008.6. «Национальная идентичность в поликультурном пространстве Юга России» и по гранту РГНФ № 08-01-12104В

*В данной статье раскрываются основные проблемы, связанные с
конструированием понятий национальная идентичность и историческая память.*

*Ключевые слова: историческая память, национальная идентичность,
«клиотравматический» факт, кавказская война, история народов юга России,
социокультурная общность, «места памяти», коллаборационизм.*

*Badmayev Valery Nicolaevich, Ph.D., professor at the Regional Institute for Innovation
Research;*

*Khutyz Zaurbech Aslanbievich, Doctor of Economic Sciences, professor of Maikop
State Technological University, tel.: (8772) 523317.*

HISTORICAL MEMORY AND CONSTRUCTION OF NATIONAL IDENTITY

** This article was prepared by a grant from the President of Russia for state support of
young Russian scientists MD - 4098.2008.6. "National identity in a multicultural area of
Southern Russia" and by grant number 08-01-12104v*

*The article reveals the main problems associated with the design concepts of national
identity and historical memory.*

*Keywords: historical memory, national identity, "cliotraumatic" fact, the Caucasian war,
the history of the peoples of southern Russia, 'memory places', collaborationism.*

Одним из факторов формирования национальной идентичности выступает историческая память. Идентичность конструируется в процессе осмысления нацией своей истории, своего нынешнего положения и возможных и желаемых перспектив. Но историческое время нации осмысливается людьми, т.е. проходит через их сознание. Получается, что реально идущий жизненный процесс в духовном плане как бы заранее задан, запрограммирован, с одной стороны в конкретно-чувственных образах желаемой жизни нации, а с другой - в идеализациях, в повседневности бытия нации.

Исходя из этого, на наш взгляд, можно выделить следующие уровни национальной идентичности:

- национально-исторический, куда входят: осознание единства нации, отношение к нации, представление об истории, отношение к преемственности и т.д. Представление нации о своем культурно-историческом развитии в значительной степени определяет ее общественное и политическое сознание;

- формально-практический: здесь выводится результат практического претворения национальных идей, зафиксированных и сформировавшихся в общественном и политическом сознании нации, отношении с окружающим миром.

Ретроспективное и перспективное освоение собственной истории становится ценностной предпосылкой, «почвой» для активного вмешательства в жизненный процесс, в структуру общественной динамики. Представление о себе и о «других» создает поле межкультурной коммуникации. Формирование позитивных образов и исторических дискурсов национальной идентичности может способствовать решению задач общенациональной интеграции.

Национальная идентичность является динамичным историческим качеством бытия нации. Ей присуща специфическая историчность, обеспечиваемая механизмом «трансляции/инновации». Сохранение народом своей исторически непрерывной, но видоизменяющейся идентичности, переживаемой как цепь «возрождений» и «новых жизней» равно объемлет и глубину постоянств, и новизну изменений. Национальная идентичность предстает как некий императив при выборе исторического пути развития нации. Она выступает как результат прошлого и одновременно как ангажированность в отношении будущего.

Вместе с тем следует отметить, что прошлое, реконструированное исторической наукой, оказывается гораздо сложнее и многограннее схематичных образов исторической памяти. Исторический континуум продолжает сохраняться в актуальном бытийном пространстве социума не только в виде набора «унаследованных» от прошлого артефактов, но и в качестве исторической памяти. Важность глубокого исследования феномена исторической памяти, помимо сугубо научного, имеет еще и практическое значение, уже в силу того, что именно ретроспективно окрашенные интенции оказывают сильное детерминирующее воздействие на социальную практику. Образы прошлого, укорененные в общественном сознании, присутствуют в настоящем в качестве его полноправных субъектов.

В этой ситуации можно говорить о паттернах как образах исторической реальности и когнитивных «призмах», сквозь которые историки смотрят на эту реальность. В исследовательской практике паттерны – это теоретико-методологические предпочтения, позволяющие репрезентировать историческую реальность и представления о ней самого ученого.

Анализ характера детерминации социальной действительности исторической памятью предполагает изучение самого явления исторической памяти. Прежде всего, следует указать на историческую память как на некое интеллигибельное пространство, наделяющее человеческое бытие конкретными смыслами, символами и ориентирами. Речь идет о так называемых «уроках истории», табуирующих или, напротив, стимулирующих определенные настроения и устремления социальных и этнических групп.

Этическое измерение исторической памяти содержит в себе императивы верности «героическому» прошлому, формулируемые как некие обязательства по отношению к нему. Историческое сознание, отмечал А.В. Гулыга, это не только знание о прошлом, но и его переживание. Это не просто умение перечислить факты и объяснить их, но и способность увидеть в них часть своей жизни, что-то личное, значительное, близкое ценное. «Ценностный подход к прошлому позволяет в полной мере проявиться практическому (воспитательному) значению истории» [1].

Очевидно, что определенные факты истории оборачиваются «болезненными», «травмирующими» или «патетическими» воспоминаниями, тем самым как бы перманентно «рекультивируясь». При этом предполагается имплицитная «виновность» настоящего по отношению к прошлому. Преодоление чувства вины происходит посредством «восстановления» исторической правды, выраженной в системе соответствующих санкций. Так, например, трагизм европейской истории первой

половины двадцатого века проявился в наши дни в законодательном запрете, как фашистской символики, так и организаций нацистского толка.

Память о прошлом присутствует в структуре коллективного сознания современных социальных, в том числе национальных, общностей. Прошлое выступает социальной конструкцией, формируемой духовными потребностями и контекстом каждого данного настоящего. Историческая память как базовый элемент конструирования коллективной идентичности особенно своеобразно реагирует на трагические и драматические события истории: войны, революции, репрессии. Такие периоды характеризуются дестабилизацией общественных структур, ростом противоречий, конфликтов. Как быть исследователю, если они кровоточащей раной засели в сознании народов? Как освободить историческую память от травмирующих компонентов? Возможно ли это?

В данном контексте обратимся к историческим дискурсам и образам прошлого региона Юга России. Юг России в силу своего уникального геополитического и геокультурного положения исторически выделялся высокой интенсивностью этнокультурных контактов на протяжении всей своей истории. Здесь «встречались», контактировали, взаимодействовали, вступали во многомерные взаимодействия различные этносы и культуры, сохраняя при этом собственную историю и самобытность.

Интеграция региона в состав России происходила в различных формах: взаимовыгодного сотрудничества в различных сферах, в имперской политике, приведшей к Кавказской войне, советской модели интернационализма. Тем не менее, общая историческая судьба, сложившиеся культурные, экономические связи сформировали социокультурную общность региона как органичную часть социального пространства России.

Следует отметить, что пространство Юга России, отличающееся наличием самых сложных проблем и противоречий: геополитических, экономических, этнополитических, социальных, территориальных, религиозных, между субъектами и федеральным центром, и в то же время укорененностью региона как органичной части России, - делает этот регион предметом серьезного научного анализа и принятия взвешенных и последовательных политических решений, от которых зависит будущее всего российского государства.

Юг России, и Северный Кавказ в частности, в общественном сознании позиционируется как едва ли не генетически конфликтогенный и нестабильный регион России. Этот стереотип опирается на определенный историко-событийный ряд: Кавказская война XIX века, мухаджирство, Гражданская война, депортации народов, межэтнические конфликты, территориальные споры, депрессивная экономика, терроризм и т.д.

Рассмотрим в данном контексте некоторые «клиотравматические» факты из истории народов региона.

Особого внимания в этой связи заслуживают события Кавказской войны (1763-1864 гг.) – сложного и противоречивого явления российской и северокавказской истории. Так, по мнению Шеуджен Э.А., источники по истории Кавказской войны, как «храмы на крови», не просто говорят, а чаще горестно плачут. В сложившейся ситуации «схематизации представлений о причинах, характере и последствиях войны» необходимо обратиться к «ментальным, психологическим проблемам многолетнего сопротивления народам Кавказа российской колонизации» [2]. Одним из последствий Кавказской войны стала массовая эмиграция адыгского народа и разделение единого адыгского этноса на две части – в составе Российской империи и обширной зарубежной диаспоры [3].

Другой «клиотравматический» факт - репрессии сталинского режима в отношении целых народов: карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши, калмыки и др. Официальное обвинение, выдвинутое против них, заключалось в предательстве в годы Великой Отечественной войны. Хотя необходимо отметить, что коллаборационизм имел место

практически во всех оккупированных регионах СССР, а представители «наказанных народов» героически сражались в рядах Красной Армии.

«Правовой» основой депортации калмыцкого народа послужил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР», где в предельно обобщенном виде было выдвинуто обвинение в адрес калмыцкого народа: «в период Великой Отечественной войны многие калмыки изменили Родине». Указ не был обнародован и под грифом «Секретно» хранился долгие годы. 28 декабря 1943 г. было принято постановление СНК СССР, где определялась судьба депортируемого народа: «В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР всех калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР, выселить в Алтайский, Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области». В ходе широкомасштабной операции «Улусы» весь калмыцкий народ по сфальсифицированному обвинению был выслан на территорию от Казахстана до Сахалина.

Но так ли необходимо и дальновидно ли вообще акцентировать все внимание только на имеющихся, хоть и объективно, противоречиях (болезненная историческая память, зигзаги имперской (русской и советской) политики, традиционализм и модернизм и т.д.) и все богатство и неоднозначность истории Юга России сводить исключительно к борьбе, конфликтам и трагедиям?

Действительно, необходимо принять своё прошлое таким, какое оно есть, выразив тем самым зрелость гражданской позиции нашего общества. Как отметил Президент РФ Медведев Д.А., «вне сложной истории, противоречивой по сути истории нашего государства зачастую просто не понять корни многих наших проблем, трудностей сегодняшней России» [4].

Какие же методологические подходы могут послужить основаниями в анализе взаимосвязи сложной этнической истории и исторической памяти народов России и конструированием общенациональной, общероссийской идентичности?

Обратимся в данном контексте к понятию исторической памяти. Его введение в научный оборот и начало изучения относят к 20-м годам XX века и связывают с именем французского социолога Мориса Хальбвакса [5]. Он выдвинул и обосновал тезис о существовании феномена коллективной памяти как средства самоидентификации различных сообществ людей. Для М. Хальбвакса память является социальной конструкцией, создаваемой в настоящем. Память понимается не как сумма воспоминаний отдельных людей, а как некое коллективное культурное произведение, развивающееся под влиянием семьи, религии и социальной группы через языковые структуры, повседневные жизненные практики и общественные институты. То есть, она «конституирует систему общественных конвенций, в рамках которой мы придаем форму нашим воспоминаниям» [6].

Работы М. Хальбвакса, оказавшиеся особенно востребованными в последние десятилетия XX века, положили начало новому междисциплинарному направлению исследований [7]. Социальная память, ее формирование, а также отношение между социальной памятью и историческим знанием стали темой широких научных и общественных дискуссий. В этих дискуссиях следует обозначить одно важное различие в позициях участников. Если для М. Хальбвакса и некоторых его последователей социальная память и историческая наука выступают как антагонисты (историческая наука начинается там, где заканчивается коллективная память и наоборот), то новое поколение ученых склоняется к сближению этих понятий. Например, П. Гири отмечает, что «когда постулируют дихотомию коллективной памяти и истории, упускают социальный и культурный контекст, в котором находится сам историк» и приписывают историческому знанию объективность и внеисторичность, которых оно вряд ли заслуживает. «Историки работают с некоторой целью - по существу затем, чтобы формировать коллективную память исторического цеха и, в конечном счете, общества, в котором живут. Ученое

разыскание стремится к тому, чтобы преобразить коллективное понимание прошлого» [8].

С 1980-х годов исследователи вновь обращаются к изучению коллективной памяти. В частности, идея М. Хальбвакса о том, что у каждой нации есть своя историческая память, определяющая идентичность данного народа, но при этом порою весьма далекая от научных представлений о прошлом, вдохновила французских историков на грандиозный проект «Места памяти», осуществленный под руководством Пьера Нора. Предметом исследования в нем стали места, вещи и события, в совокупности составляющие материал, из которого конструируется коллективная память во Франции. Этими «символическими объектами» стали отдельные местности, памятники, события, ритуалы, символы и традиции, составляющие многообразие французской национальной идентичности: Пантеон, Жанна д'Арк, Триумфальная арка, словарь Ларусса, Стена коммунаров и еще десятки других. «Способ, каким составленные из этих обломков фрагменты прошлого дошли до нас, - говорит П. Нора, - то, как они возникали, исчезали, дробились на части и вновь использовались, и является тем, что создало нас» [9].

Участники проекта – около ста ведущих историков современной Франции – поставили перед собой цель «вести клинок критики между стволом памяти и корой истории» или, иными словами, подвергнуть критическому анализу существующую в исторической памяти французов картину прошлого. Различие между исторической памятью и историей-наукой П. Нора сформулировал следующим образом: «Память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы [...] История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого. Память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны. Ее питают воспоминания туманные и противоречивые (*télescopants*) [...]. История же как интеллектуальная и десакрализирующая (*laïcisante*) операция обращается к анализу и критическому дискурсу. Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая прозаическим. Память порождается той социальной группой, которую она сплачивает [...]. Напротив, история принадлежит всем и никому, что делает универсальность ее призыванием» [10].

Одной из особенностей сложившейся когнитивной ситуации в современной исторической науке является переход от монистической интерпретации истории к плюралистической. Данный переход соответствует той эпистемологической тенденции, в которой наука открывает для себя множество реальностей, и движение идет от одной-единственной истины и одного изначально данного мира к процессу порождения многообразия подлинных и при том конфликтующих миров как самодостаточных и внутренне согласованных реальностей. В соответствии с этим формируется новый тип методологического сознания историка. В нем актуализируется вопрос о том, как в субъективном «мире» научного исторического знания обнаруживает себя объективный «мир» исторической реальности, формируется представление о том, что «мир прошлого» становится реальностью в соответствии с познавательным контекстом. Поэтому историческое познание начинает рассматриваться как конструирование «мира прошлого», а историческое знание – как книга о «реальности прошлого», пишущаяся вновь и вновь в языках тех или иных культур и исторических эпох [11]. Эту ситуацию в отношении общих сдвигов в историческом знании XX века достаточно точно охарактеризовал емкой формулой известный французский философ Поль Рикёр (1913-2005): «историю событий сменила история интерпретаций» [12].

«Места памяти» могут быть «закрытыми», то есть фиксирующими строго определенную интерпретацию исторического события или персонажа, а могут быть «открытыми», создающими пространство для диалога и различных трактовок. То есть, они могут быть открытыми для диалога различных общественных сил, продуктивными в

деле врачевания ран прошлого, преодоления внутринациональных и межнациональных конфликтов. Но могут и порождать новые конфликты, создавать сознательно искаженные образы прошлого.

Современный стремительно меняющийся мир настоятельно ставит задачу формирования новых национальных (а нередко и наднациональных) идентичностей, требуя преобразований существующих форм коллективной памяти. Проект П. Нора исходил из вполне конкретной практической задачи конструирования новой французской идентичности. «Мы переходим от одной модели нации к другой», подчеркивал Нора, в статье символично озаглавленной «Как писать историю Франции?» и добавлял, что его проект - «ответ императивным требованиям момента, единственный, который соответствует сегодня состоянию науки и сознания» [13].

Этот фундаментальный труд стал впоследствии образцом для ряда исследований о возникновении и переустройстве национальных идентичностей через образы памяти о прошлом. Речь в них идет о европейской политической и экономической интеграции, исчезновении государственных границ, миграционных процессах и, не в последнюю очередь, о необходимости новой наднациональной истории, соответствующей задаче строительства единой Европы. В качестве примеров участия историков в создании европейской коллективной памяти следует указать на серию популярных монографий «Строить Европу» («Faire l'Europe») крупнейших ученых современности (с 1993 года она выходит под редакцией Жака Ле Гоффа и переводится на основные европейские языки) и на масштабный проект СЛЮН, имеющий задачей преподавание и изучение европейской истории на всех уровнях, основываясь на наднациональном видении европейского прошлого.

В этом контексте образы прошлого в историческом сознании народов России должны выступать не факторами разъединения и взаимных претензий, а служить укреплению общероссийской национальной идентичности. Образы прошлого должны служить поиску общих «Мест Памяти», действительно общих для всех народов России.

Литература:

1. Гулыга А.В. Искусство истории. М., 1980. С. 32.
2. Шеуджен Э.А. Кавказская война: фактор национальных традиций // Адыги (черкесы) в историческом времени и пространстве: материалы круглого стола (Майкоп, 9 апр. 2008 г.). Майкоп, 2008. С. 5.
3. Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Майкоп, 2006.
4. Видеоблог Президента РФ Медведева Д.А. 30 октября 2009 г. Память о национальных трагедиях так же священна, как память о победах. URL.: <http://www.kremlin.ru>
5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.
6. Гири П. История в роли памяти? // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2005. Вып. 14. С. 116.
7. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; Франсуа Э. «Места памяти» немцы: как писать их историю? // *Ab imperio*. 2004. № 1. С. 29-43.
8. Гири П. История в роли памяти? // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2005. Вып. 14. С. 118.
9. Нора П. Как писать историю Франции? // Франция – память / пер. с фр. Д. Хапаевой; под ред. Н. Копосова. СПб., 1999. С. 92-93.
10. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаевой; под ред. Н. Копосова. СПб., 1999. С. 19-20.
11. Лубский А.В. Неоклассическая модель исторического исследования в культурно-эпистемологическом контексте начала XXI века // *Общественные науки и современность*. 2009. № 3.
12. Рикёр П. Память, история, забвение: пер. с фр. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. (Французская философия XX века).
13. Нора П. Как писать историю Франции? // Франция – память / пер. с фр. Д. Хапаевой; под ред. Н. Копосова. СПб., 1999. С. 89-90.